

Классика

В школе и дома

Александра Осиповна
ИШИМОВА

История России
в рассказах для детей.
XV - XVII века

Москва

2019

УДК 94(47)-053.2
ББК 63.3(2)
И97

Разработка серии *О. Горбовской*

Оформление серии *Н. Ярусовой*

В оформлении обложки серии «Классика в школе»
использованы фрагменты картины художника Клавдии Лебедевой
«Боярышня Осиповна»

В оформлении обложки серии «Внеклассное чтение»
использованы фрагменты картины художника Эрнеста Лиснера
«Русское ополчение на подступах к Москве»

Ишимова, Александра Осиповна.

И97 История России в рассказах для детей. XV–
XVII века / Александра Ишимова. — Москва : Эксмо,
2019. — 256 с.

ISBN 978-5-04-099018-4 (Классика в школе)

ISBN 978-5-04-099019-1 (Внеклассное чтение)

В книгу включены главы «Истории России в рассказах для детей»
А.О. Ишимова, посвященные истории России XV–XVII веков, кото-
рую изучают в средней школе.

УДК 94(47)-053.2
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-04-099019-1
(Внеклассное чтение)

ISBN 978-5-04-099018-4
(Классика в школе)

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ДВА ХИТРЫХ ВРАГА

1395—1425 годы

Бог любит отечество наше, милые дети! Сколько бед и несчастий оно переносило! И страшные завоеватели чужеземные, и собственные князья русские разоряли, жгли, опустошали его. Благородные, великодушные государи должны были преклонять колени перед дикими варварами, должны были более 200 лет беспрестанно дрожать не только за жизнь подданных своих, но и за свою собственную. Кроме татар, этих бесчеловечных мучителей России, сколько еще других врагов желали погубить ее! Сначала печенеги и половцы, потом шведы, датчане, немцы, литовцы, поляки, венгры — все, в свою очередь, нападали на русских и истребляли их. Среди таких опасностей что другое, кроме любви и помощи Божией, могло спасти их? И как премудро посылалась им эта помощь! Когда в Орде царствовал хан, более других любивший войну и кровопролитие, — тогда России Бог посылал храброго

князя, который умел противиться злему татарину; когда царь татарский любил спокойную и веселую жизнь в Сарае и деньги — тогда на русском престоле был щедрый и миролюбивый князь, который радовался, что деньгами, а не кровью мог покупать спокойствие своих подданных. Когда соседней Литвой управлял злой, жестокий, жадный Ольгерд — тогда у нас был умный, неустрашимый Димитрий Донской. Когда литовским князем сделался хитрый Витовт, племянник Ольгерда, — тогда великим князем московским был не менее хитрый сын Донского Василий II. Более двадцати лет продолжались ссоры этих двух князей, несмотря на то что дочь Витовта София была замужем за Василием Димитриевичем. Оба они были примечательными людьми, и потому читатели мои, верно, захотят узнать несколько подробнее их историю.

Витовт был одним из самых жестоких и сильных завоевателей. Король Ягайло, сделавшись супругом прекрасной наследницы польского престола Гедвиги, уже не думал о войне и, не заботясь о Литовском княжестве, не выезжал никуда из польской столицы своей — Кракова. Витовт, воспользовавшись этим, овладел Литвой, а через некоторое время и Волинью.

Но все это казалось мало ненасытному: в 1395 году он завладел Смоленском, так что кроме литовских земель ему уже принадлежала вся старинная земля вятичей, т. е. нынешняя Орловская губерния с частью Калужской и Тульской, множество удельных городов князей черниговских, — одним словом, Витовт

был государем всей Южной России и замышлял отнять у Василия Дмитриевича и последние оставшиеся у него области, где сохранялась жизнь и будущее величие русских. Сколько надобно было Василию иметь мужества, благоразумия, осторожности и даже хитрости, чтобы не допустить исполнения этого намерения! Ему это удалось, и Витовт, видя твердость русского князя, отказался от своих замыслов и в последние годы княжения Василия жил в мире с ним. Гордость его была во многом усмирена татарами. Чрезвычайная страсть повелевать другими и отнимать чужие владения внушила ему однажды мысль победить Тимура-Кутлука, а потом и покровителя его — самого Тамерлана. Чтобы завести ссору с Кутлуком, он призвал к себе изгнанного из Орды хана Тохтамыша и обещал возратить ему опять татарский престол. Тохтамыш обрадовался такому счастью: литовский князь уже давно славился своей силой и храбростью, и на помощь его можно было надеяться. Они отправились на татар. Витовт приглашал в этот поход и зятя своего Василия Дмитриевича, но умный великий князь, видя на примере Южной России, что власть литовская для русских еще хуже татарской, и зная, что после победы над татарами уже все должно будет покориться Витовту, сумел отговориться от приглашения тестя и не дал ему войска.

Витовт надеялся, что и без помощи русских справится с татарами, но ошибся. У Тимура-Кутлука был хотя и старый, но умный и храбрый воевода Эдигей. Ему суждено было наказать дерзкого литовского князя, который

в первом же сражении был так разбит татарами, что едва мог спасти третью часть своего войска. Хан Тимур-Кутлук гнал его до самого Днепра, взял с Киева 3 тысячи рублей литовского серебра, оставил в этом городе своих баскаков и разорил области Витовта до самого Луцка.

Эдигей был памятен и для Северной России: в 1408 году он приходил разорять ее за позволение, данное великим князем сыновьям Тохтамыша жить в России. Все места от реки Дон до Белого озера и костромского Галича были разорены. Только Москва, благодаря храбрости князя Владимира Андреевича, спаслась. Впрочем, этот поход Эдигея не принес большой пользы татарам: новые беспорядки в Орде заставили его скорее возвратиться туда, а русским дали возможность не слушаться ханов. Вот письмо, которое старый Эдигей послал с дороги великому князю. Оно очень любопытно, потому что покажет вам, как думали и писали тогда наши гордые повелители и как уже мало повиновался им русский великий князь.

«От Эдигея поклон к Василию после думы с царевичами и князьями нашими. Великий хан послал меня на тебя с войском, потому что слышали мы, что у тебя укрываются дети Тохтамыша. Да еще слышали мы, что у тебя в Московском княжестве неправо делается: вы осмеиваете и всячески притесняете не только купцов наших, но даже и послов царских. Так ли бывало прежде? Спроси у стариков; земля Русская была нашим верным улусом, держала страх, платила дань, почитала послов и гостей ординских. Ты не хочешь знать того и что же

делаешь? Когда Тимур сел на царство, ты не видал его в глаза, не присылал к нему ни князя, ни боярина. Прошло царство Тимурово; Шадибек восемь лет был ханом — ты не был у него! Теперь царствует Булат уже третий год: ты, самый старший князь в улусе русском, не являешься в Орде! Все дела твои недобры. Были у вас нравы и дела добрые, когда жил боярин Федор Кошка и напоминал тебе о ханских благодеяниях. Ныне ты думы старцев не слушаешь. Что же вышло? Разорение твоему улусу! Хочешь ли княжить мирно? Призови на совет бояр старейших — Илью Иоанновича, Петра Константиновича и других, согласных с ними в доброй думе; пришли к нам одного из них со старинными оброками, какие вы платили царю Чанибеку, чтоб не погибло совсем твое царство. Все, что ты писал к хану о бедности народа русского, несправедливо: мы теперь сами видели твой улус и узнали, что ты собираешь в нем по рублю с двух сох. Куда же идет серебро? Земля христианская осталась бы цела, когда бы ты исправно платил дань; а теперь бегаешь, как раб!.. Размысли и научися!..»

Но Василий Димитриевич не испугался этого грозного письма, не исполнил ни приказаний, ни советов Эдигея и вообще во все время своего тридцатилетнего княжения менее всех прежних великих князей платил дань татарам и менее всех признавал власть их над собою. Это заметно и из духовного завещания его, в котором он уже явно, не ожидая согласия Орды, объявляет наследником Великого княжества малолетнего сына своего Василия. Боясь,

как бы честолюбивые братья его по прежнему праву дядей не лишили малютку престола, Василий Димитриевич поручил его покровительству тестя своего — прежнего врага, а потом помирившегося с ним государя литовского. И здесь виден хитрый ум Василия: такая лестная доверенность не могла не внушить гордому Витовту желания оправдать ее перед глазами света. Если бы в голове литовского князя еще оставалась какая-нибудь мысль о завладении Московским государством, то и на этот случай Василий Димитриевич сумел распорядиться: он дал совету великокняжескому, который состоял из бояр — пестунов маленького государя, письменные наставления, в какой мере должно принимать покровительство Витовта и до чего не допускать его.

В княжение Василия Димитриевича появились в России разные искусства: Москва славилась хорошими живописцами, которые прекрасно расписывали церкви; были также в ней и литейные мастера, а в 1404 году один монах, Лазарь, родом из Сербии, устроил первые часы с боем, которые поставлены были на великокняжеском дворе, за церковью Благовещения, и стоили 150 рублей серебром. Народ удивлялся этим часам, как чуду, и при каждом бое толпами сходилась смотреть и слушать их. У предков наших при Василии Димитриевиче были также и рыцарские игры, или карусели и турниры. Они называли это *игрушками*. На этих *игрушках* молодые люди иногда наносили смертельные раны друг другу.

Таблица XXXV

Семейство великого князя Василия II Дмитриевича

Супруга:

София Витовтовна, великая княжна литовская

Сыновья:

1. Иоанн, умер в детстве
2. Василий, наследовал престол

**ССОРА НА СВАДЬБЕ
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ III**

1425—1433 годы

27 февраля 1425 года скончался Василий Дмитриевич. Все братья его, бывшие в Москве, обещали ему считать государем своим десятилетнего сына его Василия. Один только Юрий Дмитриевич, князь звенигородский, не давал этого обещания и, узнав о смерти брата, отправил посла с угрозами в Москву. Но маленький князь не испугался дяди: у него была умная мать, был сильный опекун, дед его Витовт Литовский, были усердные советники и пестуны, между которыми самым искусным, самым красноречивым и самым хитрым был боярин Иван Дмитриевич. Все эти защитники малолетнего государя русского, посоветовавшись между собою, отправили от имени его к Юрию Дмитриевичу митрополита Фотия.

Его убеждения подействовали на Юрия: он согласился хотя не совсем отказаться от Великого княжества, но, по крайней мере, до тех

пор, пока царь татарский решит, кому оно принадлежит.

Пока шли переговоры об этом с Ордой, новгородские области терпели много горя от Витовта: жадность к завоеваниям не уменьшилась в нем и в глубокой старости. Ему давно хотелось завладеть сильным Новгородом, все области которого были богаты и велики. Первое место между ними занимал Псков, родина Святой Ольги. Новгородцы были так довольны услугами псковитян, всегда защищавших их от ливонцев и литовцев, что в 1348 году сняли со Пскова верховную власть свою и назвали его *братом* Новгорода. С тех пор псковитяне имели во всем одинаковые права с новгородцами, имели такое же вече, какое было на дворе Ярославя; но со времен Калиты такое вече уже не много значило и в Новгороде, и во Пскове: великие князья московские не позволяли им иметь особенных князей и посылали к ним только своих наместников. Новгородцы, привыкшие всегда сами выбирать и по своей воле сменять князей, не любили Москву и при каждом случае показывали эту нелюбовь. Витовт умел пользоваться этим и старался еще более разжигать ссоры Новгорода с Москвой, надеясь, что эти ссоры, отнимая мало-помалу силы у обоих врагов, помогут ему овладеть первым. Такие намерения, вредные для отечества нашего, верно, исполнились бы, если бы Витовт был моложе или наследники его имели столько же ума и страсти к завоеваниям, как он. Но, к счастью России, слава народа литовского началась и кончилась с Витовтом. Он умер в 1430 году — и умер от

досады. Вы удивляетесь этому, читатели мои? Тогда слушайте.

Витовту очень хотелось назваться королем литовским. Ягайло, король польский и настоящий владетель Литвы, был согласен на это. Папа римский также. Но паны, или вельможи польские, не желая видеть отделения Польши от Литвы, тайно старались переделать все это, а между тем не мешали Витовту звать гостей на свое коронование и готовить для них пышные праздники. Гости съехались. Это были князья русские и польские, ханы татарские, господарь Валахии, послы императора греческого, ландмаршал ливонский, король Ягайло, великий князь Василий Васильевич, внук Витовта. Молодого государя русского провожал митрополит Фотий. Историки того времени говорят, что этот торжественный съезд такого множества знаменитых князей представлял необыкновенную, прекрасную картину. Седой восьмидесятилетний хозяин, окруженный первыми вельможами литовскими, угощал посетителей своих так пышно, что во всей Европе с удивлением рассказывали о его праздниках. Вообразите себе, что из погребов княжеских отпускалось каждый день 700 бочек меду, кроме вина и пива, а на кухню привозили 700 быков, 1400 баранов, 100 зубров, столько же лосей и кабанов! Около семи недель продолжались эти пиры. Витовт с каждым днем ожидал, что приедет посол римский короновать его, но вместо короны он привез от папы отказ. Гордый старик так огорчился, что заболел, распрощался с гостями, которые поспешили разъехаться,

и через несколько дней скончался. После смерти его владел Литвой двоюродный брат его Свиригайло, потом родной — Сигизмунд, наконец сын Ягайла — Казимир. Все эти государи уже совсем не походили на храброго, неустрашимого, хитрого Витовта.

Верно, князь Юрий Димитриевич боялся этого опекуна молодого великого князя: при жизни его он не напоминал Василию Васильевичу об условии их просить суда ханского, но тотчас после смерти Витовта объявил опять свои притязания на великокняжеский престол. И вот дядя и племянник поехали в Орду, к царю Махмету. При отъезде великого князя из Москвы народ в первый раз увидел слабый нрав его: он боялся одной мысли ехать к татарам и плакал не от печали по матери и отечеству, а от страха погибнуть в Орде так же, как погибли там многие русские князья. Его ободрял и утешал во время всей дороги боярин Иван Димитриевич. Редко кто умел так красноречиво говорить, как этот хитрый советник великого князя! К тому же у него была дочь, которую ему очень хотелось видеть великой княгиней. Он уже несколько раз намекал об этом своему воспитаннику, и молодой Василий Васильевич не отговаривался. Гордому Ивану Димитриевичу казалось даже, что великий князь уже согласен назвать прекрасную дочь его своей невестой: мы охотно верим тому, чего желаем.

Иван Димитриевич с новым жаром принимается за дело будущего зятя своего, ласковыми словами и богатыми подарками склоняет всех вельмож ханских в пользу молодого князя

и наконец с полной надеждой на успех является с ним в назначенный день суда к хану Махмету. Хан уже знал, что Василий доказывал свое право на престол новым законом государей московских, по которому сын после отца, а не брат после брата был наследником. Дядя же его находил этот закон несправедливым и хотел быть великим князем по прежнему установлению. Когда князь Юрий кончил жаркую речь свою, боярин Иван Димитриевич, сделав низкий поклон, стал перед Махметом и сказал: «Царь верховный! Позволь мне, смиренному холопу, говорить за моего молодого князя. Юрий ищет Великого княжества по старинным грамотам русским, а государь наш — по твоей милости, зная, что оно в твоей воле: отдашь его кому хочешь. Один требует, другой просит. Что значат все грамоты против воли твоей? Шесть лет уже Василий Васильевич на престоле: ты не свергнул его, стало быть, сам признавал государем законным». Эта льстивая, хитрая речь так понравилась хану, что он тут же обнял молодого Василия, поздравил его и приказал Юрию *вести под ним коня*: это азиатское обыкновение означало власть верховного государя над князем, зависящим от него, но Василий Васильевич не допустил дядю до такого унижения. Возвратясь в отечество, они, казалось, уже забыли свои несогласия и жили спокойно, каждый в своем владении, как вдруг совсем неожиданно вспыхнула между ними новая кровопролитная ссора, и вот по какой причине.

Боярин Иван Димитриевич, приехав из Орды, с нетерпением ожидал, когда великий князь, так много обязанный ему, назначит день